

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ПОРОСЁНОК

В КОЛЮЧЕЙ ШУБКЕ

Издательство «МАЛЫШ» 1977

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ГОРОСЁНОЖ

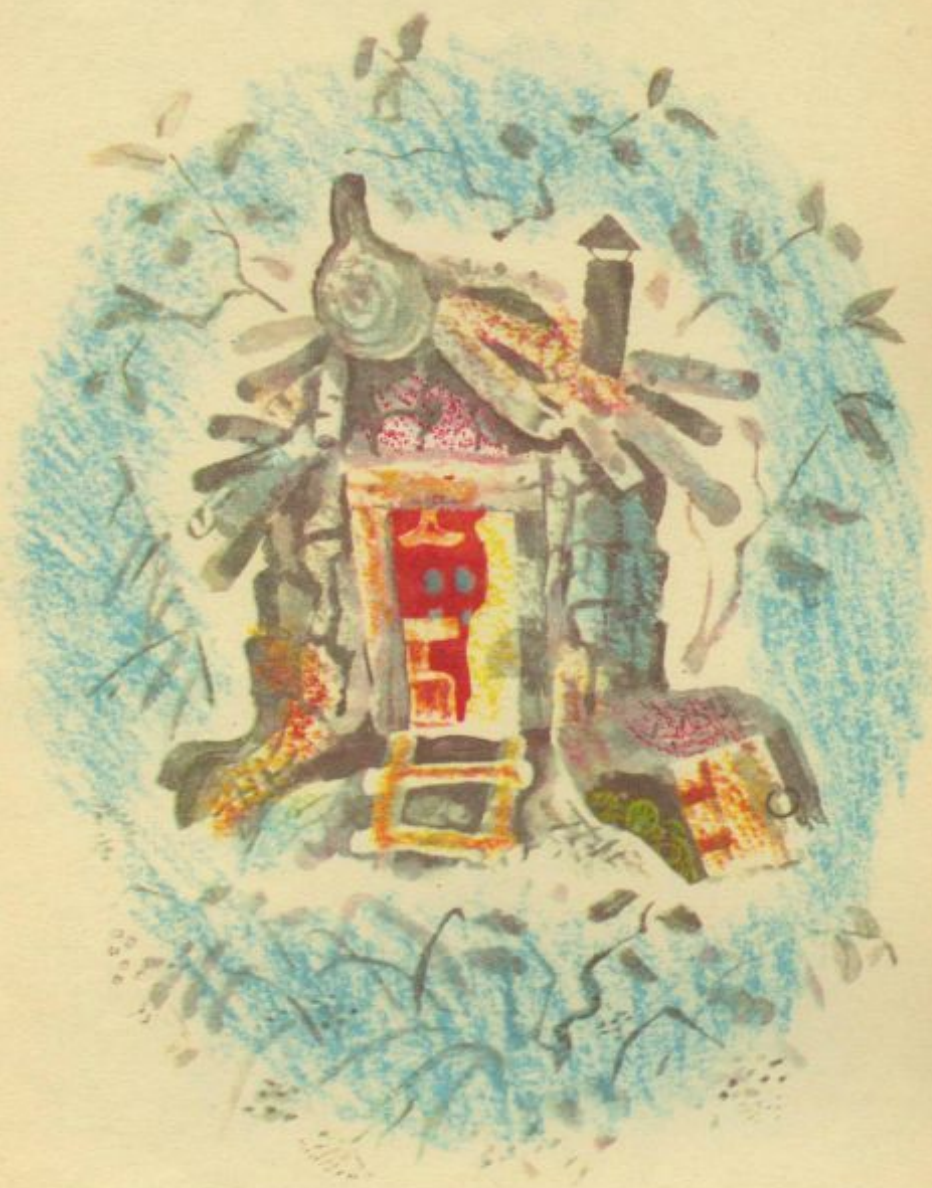

В КОЛЮЧЕЙ ШУБКЕ

Сказки

Художник И. Терцов.

Издательство «МАЛЫШ» Москва 1977

ЁЖИК И МОРЕ

Жил-был в лесу Ежик Иголка. Был у него дом с печкой, лампочка в доме из гриба-лисички и полная кладовая припасов. Но Ежику всё чего-то хотелось...

— Непокойно мне что-то, — говорил он Васильку. — К морю хочется.

Василёк никогда не видел моря и поэтому говорил:

— Зря ты печалишься, Ежик. Посмотри, какой я красивый, взгляни, как высоки сосны, послушай, как птицы поют! И все тебя здесь, в лесу, знают и любят.

Но Ежик с каждым днём печалился всё больше.

— Хочется мне к морю! — жаловался он Муравью.

— А какое оно? — спрашивал Муравей.

— Большое. Но я его никогда не видел.

И вот как-то ранним утром, когда в небе ещё плавали молочные звёзды, Ежик вышел из своего домика и пошёл к морю. В лапе у него была палка, а за плечами — котомка с едой.

Сначала он шёл лесом, и птицы пели над ним, и трава, мокрая от росы, шуршала под ногами. Потом лес кончился, и путь Ежику преградила река.

— Эй! — крикнул Ежик.

И по всей реке понеслось: «Эй-эй-эй!..»

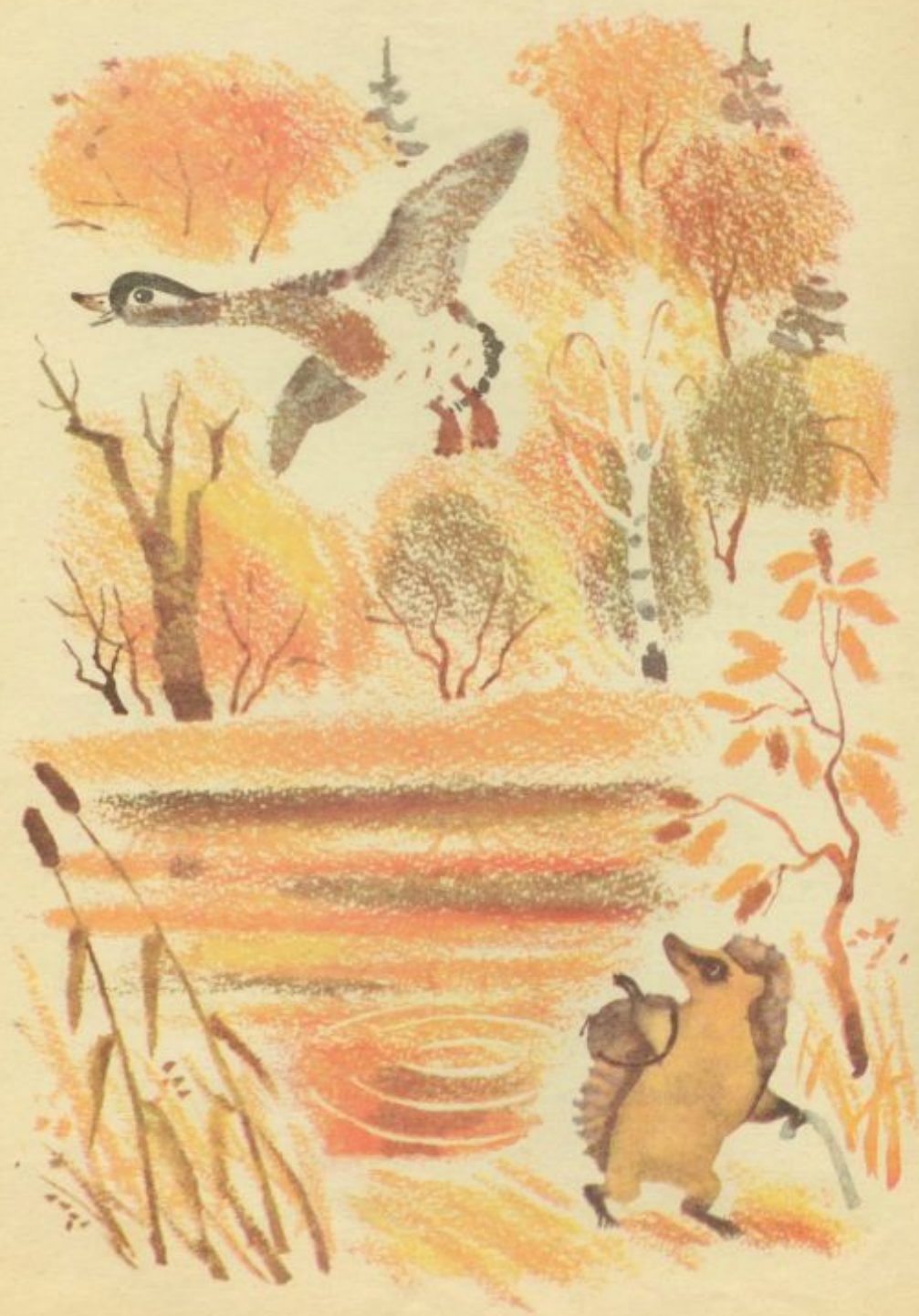
— Ты чего кричишь? — спросила, подлетев, Утка.

— Переправиться надо, — сказал Ежик.

И Утка подставила ему свою спину и перевезла на другой берег.

— Спасибо, Утка, — сказал Ежик и зашагал дальше.

Теперь он шёл по огромному лугу. Трещали кузнечики, звенели стеклянными крылышками стрекозы, и где-то высоко в небе распевал жаворонок...

Долго ли, коротко ли шёл Ежик, но вышел он к Морю.

— Здравствуй, Море! — сказал Ежик.

— Здравствуй, Ежик! — сказала Море.

И накатила волна. «Пффф-ф!..» — ударила она в берег, «пшшш!..» — зашуршала по камушкам, отступая.

И Ежик тоже сделал шаг вперёд и сказал: «Пффф-ф!..» и, отбежав немного, «шшш-ш!..»

— Я на тебя похож, да?

— Очень! — сказала Море. И снова ударило волной в берег.

Целый день Ежик играл с Морем: то подбегал к самой воде, то отбегал прочь.

Засыпая на песке под скалой, он поёживался, и ему казалось, что он тоже — маленькое море на четырёх лапках.

«Пффф-ф!.. — бормотал он себе под нос. — Шшш-ш!..»

И подымал и опускал иголки.

Когда пришла пора птицам улетать на юг и уже давно увяла трава и облетели деревья, Ежик сказал Медвежонку:

— Скоро зима. Пойдём поудим напоследок для тебя рыбки. Ты ведь любишь рыбку!

И они взяли удочки и пошли к реке.

На реке было так тихо, так спокойно, что все деревья склонились к ней печальными головами, а посередине медленно плыли облака. Облака были серые, лохматые, и Медвежонку стало страшно.

«А что, если мы поймаем облако? — подумал он. — Что мы тогда с ним будем делать?»

— Ежик! — сказал Медвежонок. — Что мы будем делать, если поймаем облако?

— Не поймаем, — сказал Ежик. — Облака на сухой горох не ловятся! Вот если ловить на одуванчик...

— А на одуванчик можно поймать облако?

— Конечно! — сказал Ежик. — Облака на одуванчик только и ловятся!

Стало смеркаться.

Они сидели на узеньком берёзовом мостике и смотрели в воду. Медвежонок смотрел на поплавок Ежика, а Ежик — на поплавок Медвежонка. Было тихо-тихо, и поплавки неподвижно отражались в воде...

— Почему она не клюёт? — спросил Медвежонок.

— Она слушает наши разговоры, — сказал Ежик. — Рыбы к осени очень любопытны!..

— Тогда давай молчать.

И они целый час сидели молча.

Вдруг поплавок Медвежонка заплесал и глубоко нырнул.

— Ключёт! — крикнул Ежик.

— Ой! — воскликнул Медвежонок. — Тянет!

— Держи, держи! — сказал Ежик.

— Что-то очень тяжёлое, — шепнул Медвежонок. —

В прошлом году здесь утонуло старое облако. Может, это — оно?..

— Держи, держи! — повторил Ежик.

Но тут удочка Медвежонка согнулась дугой, потом со свистом распрямилась — и высоко в небо, выше луны, взлетела маленькая звезда.

— Так... — прошептал Ежик, доставая две новые горошины. — Теперь только бы хватило наживки!..

И они, забыв о рыбе, целую ночь ловили звёзды и забросали ими всё небо.

А перед рассветом, когда горох кончился, Медвежонок свесился с мостка и вытащил из воды два оранжевых кленовых листа.

— Лучше нет, чем ловить на кленовый листик! — сказал он.

И стал было уже задрёмывать, как вдруг кто-то крепко схватился за крючок.

— Помоги!.. — шепнул Ежику Медвежонок.

И они, усталые, сонные, вдвоём еле-еле вытащили из воды солнышко.

Оно отряхнулось, прошлось по узенькому мостку и покатилося в поле.

Кругом было тихо, хорошо, и последние листья, как маленькие кораблики, медленно плыли по реке...

С каждым днём всё позднее светало, и лес стал таким прозрачным, что казалось, обшарь его вдоль и поперёк — не найдёшь ни одного листика.

— Скоро и наша берёза облетит, — сказал Медвежонок. И показал лапой на одинокую берёзу, стоящую посреди поляны.

— Облетит... — согласился Ежик.

— Подуют ветры, — продолжал Медвежонок, — и она вся так и затрясётся, а я буду во сне слышать, как падают с неё последние листья. А утром проснусь, выйду на крыльцо, а она — голая!

— Голая... — согласился Ежик.

Они сидели на крылечке Медвежачьего домика и смотрели на одинокую берёзу посреди поляны.

— Вот если бы на мне весной вырастали листья! — сказал Ежик. — Я бы осенью сидел у печки, и они бы ни за что не облетели.

— А какие бы ты хотел листья? — спросил Медвежонок. — Берёзовые или ясеневые?

— Как у клёна! Тогда бы я осенью был рыжий-рыжий, и ты бы меня принял за Маленького Лисёнка. Ты бы мне сказал: «Маленький Лисёнок, как поживает твоя мама?» А я бы сказал: «Мою маму убили охотники, а я теперь живу у Ежика. Приходи к нам в гости!» И ты бы пришёл. «А где же Ежик?» — спросил бы ты. А потом, наконец, догадался, и мы бы долго-долго смеялись, до самой весны...

— Нет, — сказал Медвежонок. — Лучше, если бы я не догадался, а спросил: «А что, Ежик пошёл за

водой?» — «Нет!» — сказал бы ты. «За дровами?» — «Нет!» — сказал бы ты. «Может, он пошёл к Медвежонку в гости?» И тут бы ты кивнул головой. А я бы пожелал тебе спокойной ночи и побежал к себе, потому что ты ведь не знаешь, где я теперь прячу ключ, и тебе пришлось бы сидеть на крыльце.

— Но я же ведь остался бы у себя дома! — сказал Ежик.

— Ну, так что ж! — сказал Медвежонок. — Ты бы сидел у себя дома и думал: «Интересно, это Медвежонок притворяется или по-настоящему не узнал меня?» А я бы пока сбегал домой, взял маленькую баночку мёда, вернулся к тебе и спросил: «А что, Ежик ещё не возвращался?» А ты бы сказал...

— А я бы сказал, что я и есть Ежик! — сказал Ежик.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Лучше бы ты ничего такого не говорил. А сказал так...

Тут Медвежонок запнулся, потому что с берёзы, стоявшей посреди поляны, вдруг сорвалось сразу три листика.

Они немного покружились в воздухе, а потом мягко опустились в порывевшую траву.

— Нет, лучше бы ты ничего такого не говорил, — повторил Медвежонок. — А мы бы просто попили с тобой чай и легли спать. И тогда бы я во сне обо всём догадался.

— А почему во сне?

— Самые лучшие мысли ко мне приходят во сне, — сказал Медвежонок. — Вон видишь: на берёзе осталось двенадцать листиков. Они уже никогда не упадут. Потому что вчера ночью я во сне догадался, что сегодня утром их надо пришить к веточке.

— И пришил? — спросил Ежик.

— Конечно, — сказал Медвежонок. — Той самой иголкой, которую ты мне подарил в прошлом году.

Тридцать комариков выбежали на полянку и заиграли на своих писклявых скрипках. Из-за туч вышла луна и, улыбаясь, поплыла по небу.

«Мму-у!..» — вздохнула корова за рекой. Завыла собака, и сорок лунных зайцев побежали по дорожке.

Над рекой поднялся туман, и грустная белая лошадь утонула в нём по грудь, и теперь казалось — большая белая утка плывёт в тумане и, отфыркиваясь, опускает в него голову.

Ёжик сидел на горке под сосной и смотрел на освещённую лунным светом долину, затопленную туманом.

Красиво было так, что он время от времени вздрагивал: не снится ли ему всё это?

А комарики не уставали играть на своих скрипочках, лунные зайцы плясали, а собака выла.

«Расскажу — не поверят!» — подумал Ёжик и стал смотреть ещё внимательнее, чтобы запомнить до последней травинки всю красоту.

«Вот и звезда упала, — заметил он, — и трава наклонилась влево, и от ёлки осталась одна вершинка, и теперь она плывёт рядом с лошадью...»

«А интересно, — думал Ёжик, — если лошадь ляжет спать, она захлебнётся в тумане?»

И он стал медленно спускаться с горы, чтобы тоже попасть в туман и посмотреть, как там внутри.

— Вот, — сказал Ёжик. — Ничего не видно. И даже лапы не видно. Лошадь! — позвал он.

Но лошадь ничего не сказала.

«Где же лошадь?» — подумал Ежик. И пополз прямо. Вокруг было глухо, темно и мокро, лишь высоко вверху сумрак слабо светился.

Полз он долго-долго и вдруг почувствовал, что земли под ним нет и он куда-то летит.

Бул-тых!..

«Я в реке!» — сообразил Ежик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны.

Когда он вынырнул, было по-прежнему темно, и Ежик даже не знал, где берег.

«Пускай река сама несёт меня!» — решил он. Как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению.

Река шуршала камышами, бурлила на перекатах, и Ежик чувствовал, что совсем промок и скоро утонет.

Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

— Извините, — беззвучно сказал кто-то, — кто вы и как сюда попали?

— Я — Ежик, — тоже беззвучно ответил Ежик. — Я упал в реку.

— Тогда садитесь ко мне на спину, — беззвучно проговорил кто-то. — Я отвезу вас на берег.

Ежик сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

— Спасибо! — вслух сказал он.

— Не за что! — беззвучно выговорил кто-то, кого Ежик даже не видел, и пропал в волнах.

«Вот так история... — размышлял Ежик, отряхиваясь. — Разве кто поверит?!»

И заковылял в тумане.

Была зима. Стояли такие морозы, что Ежик несколько дней не выходил из своего домика, топил печь и смотрел в окно. Мороз разукрасил окошко разными узорами, и Ежику время от времени приходилось залезать на подоконник и дышать и тереть лапой замёрзшее стекло.

«Вот!» — говорил он, снова увидев ёлку, пенёк и полянку перед домом. Над поляной кружились и то улетали куда-то вверх, то опускались к самой земле снежинки.

Ежик прижался носом к окну, а одна Снежинка села ему на нос с той стороны стекла, привстала на тоненьких ножках и сказала:

— Это ты, Ежик? Почему ты не выходишь с нами играть?

— На улице холодно, — сказал Ежик.

— Нет, — засмеялась Снежинка. — Нам нисколько не холодно! Посмотри, как я летаю!

И она слетела с Ежикиного носа и закружилась над поляной. «Видишь? Видишь?» — кричала она, пролетая мимо окошка. А Ежик так прижался к стеклу, что нос у него расплющился и стал похож на поросёный пяточок; и Снежинке казалось, что это уже не Ежик, а надевший колючую шубку поросёнок смотрит на неё из окна.

— Поросёнок! — крикнула она. — Выходи с нами гулять!

«Кого это она зовёт? — подумал Ежик и вдавился в стекло ещё сильнее, чтобы посмотреть, нет ли на заваulinке поросёнка.

А Снежинка теперь уже твёрдо знала, что за окош-ком сидит поросёнок в колючей шубке.

— Поросёнок! — ещё громче крикнула она. — У тебя же есть шубка. Выходи с нами играть!

«Так, — подумал Ежик. — Там под окошком, наверное, сидит поросёнок в шубке и не хочет играть. Надо пригласить его в дом и напоить чаем».

И он слез с подоконника, надел валенки и выбежал на крыльцо.

— Поросёнок! — крикнул он. — Идите пить чай!

— Ежик, — сказала Снежинка, — поросёнок только что убежал. Поиграй ты с нами!

— Не могу. Холодно! — сказал Ежик и ушёл в дом.

Закрыв дверь, он оставил у порога валенки, подбросил в печку дровишек, снова влез на подоконник и прижался носом к стеклу.

— Поросёнок! — крикнула Снежинка. — Ты вернулся? Выходи! Будем играть вместе!

«Он вернулся», — подумал Ежик. Снова надел валенки и выбежал на крыльцо.

— Поросёнок! — закричал он. — Поросёно-о-о-к!..

Выл ветер, и весело кружились снежинки.

Так до самого вечера Ежик то бегал на крыльцо и звал поросёнка, то, возвратившись в дом, залезал на подоконник и прижимался носом к стеклу.

Снежинке было всё равно, с кем играть, и она зва-ла то поросёнка в колючей шубке, когда Ежик сидел на подоконнике, то самого Ежика, когда он выбегал на крыльцо.

А Ежик и засыпая боялся, как бы не замёрз в та-кую морозную ночь поросёнок в колючей шубке.

С утра падал снег. Медвежонок сидел на опушке леса на пеньке, задрав голову, и считал, и слизывал упавшие на нос снежинки.

Снежинки падали сладкие, пушистые и, прежде чем опуститься совсем, привставали на цыпочки. Ах, как это было весело!

«Седьмая», — прошептал Медвежонок и, полюбовавшись всласть, облилизал нос.

Но снежинки были заколдованные: они не таяли и продолжали оставаться такими же пушистыми у Медвежонка в животе.

«Ах, здравствуйте, голубушка! — сказали шесть снежинок своей подруге, когда она очутилась рядом с ними. — В лесу так же безветренно? Медвежонок по-прежнему сидит на пеньке? Ах, какой смешной Медвежонок!»

Медвежонок слышал, что кто-то в животе у него разговаривает, но не обращал внимания.

А снег всё падал и падал. Снежинки всё чаще опускались Медвежонку на нос, приседали и, улыбаясь, говорили: «Здравствуй, Медвежонок!»

«Очень приятно, — говорил Медвежонок. — Вы — шестьдесят восьмая». И облизывался.

К вечеру он съел триста снежинок, и ему стало так холодно, что он едва добрался до берлоги и сразу уснул. И ему приснилось, что он — пушистая, мягкая снежинка... и что он опустился на нос какому-то медвежонку и сказал: «Здравствуй, Медвежонок!», а в ответ

услышал: «Очень приятно, вы — триста двадцатая». ...Пам-па-ра-пам! — заиграла музыка. И Медвежонок закружился в сладком, волшебном танце, и триста снежинок закружились вместе с ним. Они мелькали впереди, сзади, сбоку и, когда он уставал, подхватывали его, и он кружился, кружился, кружился...

Всю зиму Медвежонок болел. Нос у него был сухой и горячий, а в животе плясали снежинки. И только весной, когда по всему лесу зазвенела капель и прилетели птицы, он открыл глаза и увидел на табуретке Ежика. Ежик улыбался и шевелил иголками.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Медвежонок.

— Жду, когда ты выздоровеешь, — ответил Ежик.

— Долго ты ждёшь?

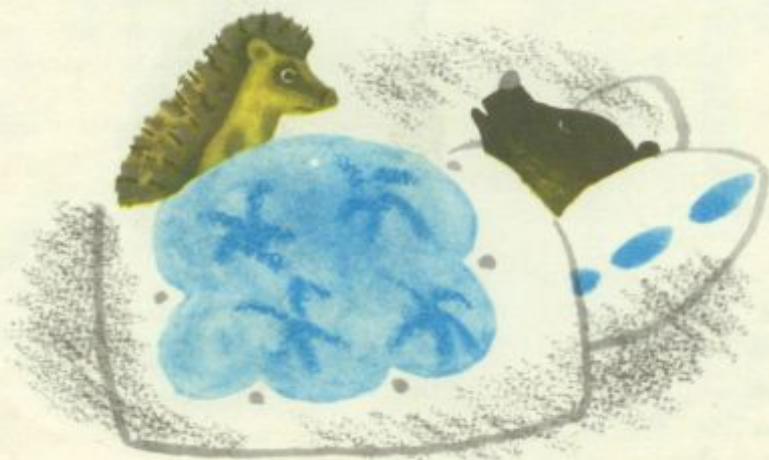
— Всю зиму. Я как узнал, что ты объелся снегом, сразу перетасил все свои припасы к тебе...

— И всю зиму ты сидел возле меня на табуретке?

— Да, я поил тебя еловым отваром и прикладывал к животу сушёную травку...

— Не помню, — сказал Медвежонок.

— Ещё бы! — вздохнул Ежик. — Ты всю зиму говорил, что ты — снежинка. Я так боялся, что ты растаешь к весне!..

ДОБРЫЙ ОГОНЬ

В феврале Ежик целыми днями топил печь и всё равно по утрам не мог вылезти из постели — так было в доме холодно.

«Что же это за наказание? — бормотал Ежик, слезая с постели и всовывая лапы в валенки. — Ещё неделю постоят такие морозы — и у меня ни одной дровишки не останется!»

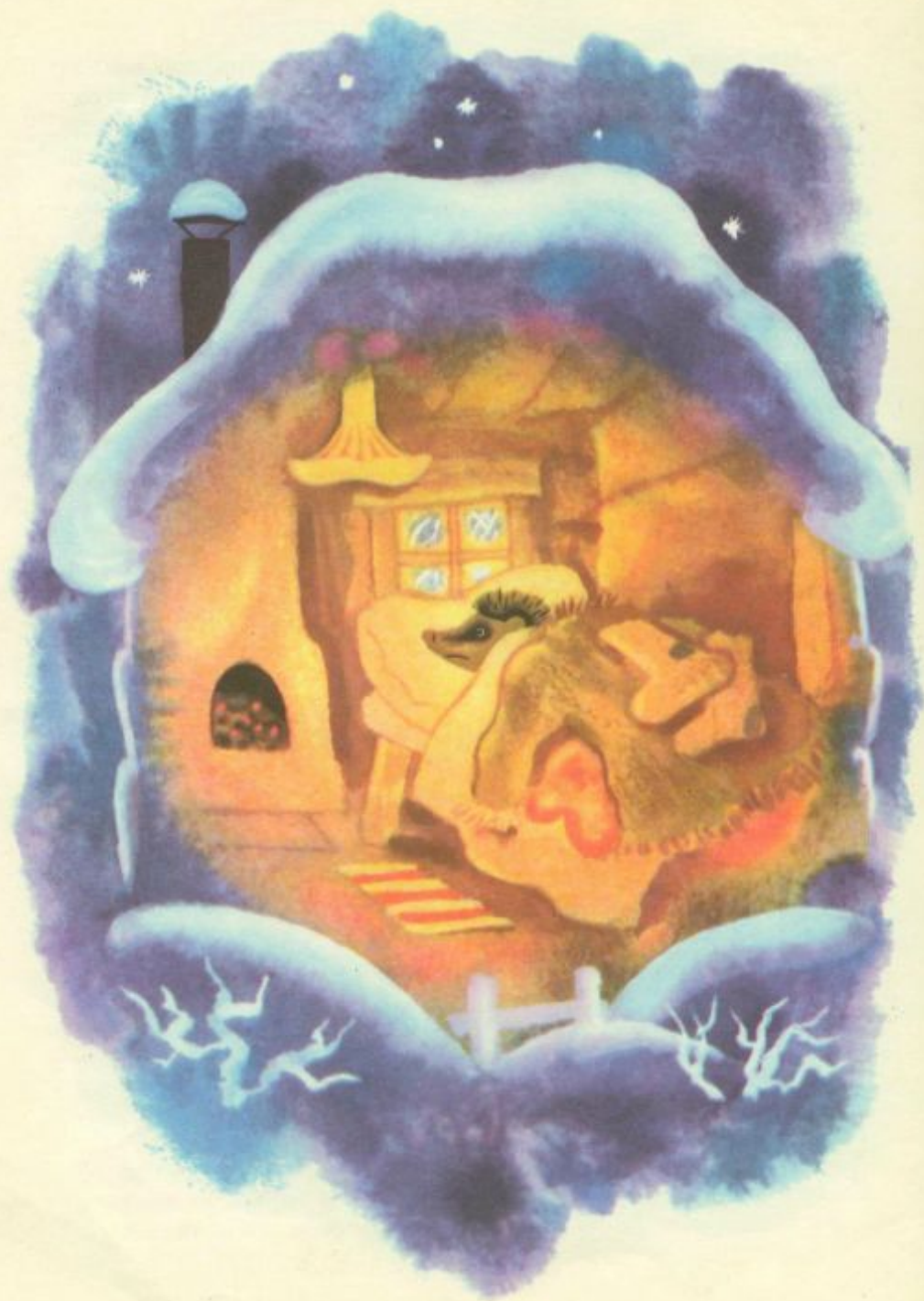
И он зашаркал к печке, отодвинул заслонку и развёл огонь.

Огонь весело загудел, и Ежик стал обдумывать своё бедственное положение.

«В лесу теперь снегу видимо-невидимо! — думал он. — И все тоненькие ёлочки занесло. А толстую одному не спилить... Хорошо, кабы Медвежонок наведалься: у него и топор острый, и пила есть, и специальные сачки, чтобы дрова возить... Вот пришли бы они вместе с Осликом и сказали: «Ежик, у тебя, наверное, дрова кончились? Пойдём напилем и наколем новых!» А я бы их напоил чаем, и мы бы все трое пошли в лес, и тогда бы я ни за что не замёрз. А теперь Медвежонок, наверное, крепко спит и совсем забыл обо мне...»

И Ежику стало так грустно, что он подкинул ещё две дровишки и, уже ни о чём не думая, стал смотреть на пламя.

Печь разогрелась, и теперь в доме было тепло, и Ежику уже не верилось, что дровишки могут кончиться и он замёрзнет. И он, незаметно для себя, размечтался...

«Вот, — мечтал Ежик, — кончатся у меня дрова, и совсем станет холодно, и начну я замерзать... И об этом узнает Слон в зоопарке. Он притворится спящим, а когда сторожа уснут, прибежит в лес, найдёт мой домик, всунет хобот в трубу и станет тепло дышать. А я скажу: «Спасибо, Слон. Мне очень тепло. Пойди теперь погрей Медвежонка, — у него, наверное, тоже кончились дрова...» И Слон будет каждую ночь убегать из зоопарка и дышать в трубу мне, Медвежонку и Ослику — и мы не замёрзнем!..»

А морозы всё лютели и лютели. И действительно, через неделю у Ежика совсем кончились дровишки. Он в последний раз крепко протопил печь, сложил на постель все одеяла, а сверху положил полушубок и валенки. Потом залез под эту гору и стал ждать.

Сначала ему было жарко, а потом, когда печь остыла, стало холодно. И с каждым часом становилось всё холоднее.

«С-с-скорее бы п-п-ришёл С-с-слон!» — шептал Ежик, свернувшись калачиком под одеялами. Он так замёрз, что у него давно уже не попадал зуб на зуб. А Слон всё не приходил...

«С-с-слон! — звал Ежик. — Я з-з-замерзаю... П-п-риди, п-п-пожалуйста, С-с-слон!»

Ежик звал Слона три дня и две ночи.

А на третью ночь ему стало так тепло, что он даже сбросил с себя полушубок и валенки.

Это в лес пришла оттепель.

А Ежику казалось, что это огромный добрый Слон ходит меж сосен и дышит ему в трубу.

Больше всего Ежик любил эти первые по-настоящему весенние дни! Уже ни одного островка снега не осталось в лесу, в небе по ночам громыхал гром, и, хотя молнии не было видно, до самого утра шумел настоящий проливной дождь.

«Лес умывается! — думал Ежик. — Умываются ёлки, пеньки и опушки. А птицы летят теперь с юга, и им тоже моет дождь пёрышки!»

И по утрам он выходил на крыльцо и ждал чистых, вымытых птиц.

— Ещё не прилетели! — говорила Белка.

— Кар-р-р! Им тр-р-рудно в пути! — картавила Ворона.

А Ежик нюхал воздух и говорил:

— Всё равно пахнет чистыми птицами!

И Дятел тогда принимался на самой верхушке сосны чистить себе пёрышки.

«Я тоже должен быть чистым! — думал он. — А то они прилетят и скажут: что же ты такой пыльный, Дятел?»

Заяц сидел под кустом и мыл себе уши.

— Возьми еловую шишку! — крикнул Ежик. — Еловой шишкой лучше отмывается!

— А чем вы посоветуете мне почистить рога? — спросил, выйдя на опушку перед Ежикиным домиком, Лось.

— Песком, — сказал Ежик. — Нет лучше, чем чистить рога песком.

И Лось пошёл к берегу реки и увидел вылезающего из воды Лиса. Лис был рыжий-прерыжий и в правой лапе держал пучок прошлогодней травы.

— Не почистите ли вы мне рога? — пробормотал Лось. — А то неудобно: прилетят птицы, а у меня рога — грязные...

— Сейчас! — сказал Лис. Выкрутил пучок прошлогодней травы, спрятал его под большим камнем и вылез на берег. — Где ваши рога?

Лось склонил рога, и Лис принялся начищать их песком.

— Чтобы блестели? — спросил он.

— Нет, — сказал Ежик. — Блестящие рога — некрасиво. Они должны быть... туманные!

— То есть, чтобы не блестели? — уточнил Лис.

— Чтобы не блестели, — сказал Ежик.

И Лось даже отфыркивался — так ему было хорошо и приятно.

А Дятел уже совсем вычистил пёрышки и был теперь чистый и молодой.

Заяц отмыл уши и мыл хвостик.

А Ежик давно уже протёр тряпочкой каждую иголку и был такой чистый, что даже самая чистая птица не смогла бы ему сказать, что она чище его!

В апреле, когда на деревьях начали распускаться почки, Ежик вышел на берег реки, встал на задние лапки, глубоко вздохнул и посмотрел, не сорвалась ли с привязи Щука. Щуку он поймал ещё прошлым летом, и с тех пор она жила у него на длинной верёвке, один конец которой был обмотан вокруг щучьего хвоста, а другой — привязан к колышку.

Ежик потянул за верёвку и спросил:

— Как ты себя чувствуешь, Щука?

Щука плеснула хвостом, разинула пасть и беззвучно закричала:

— Кактысебячувствуешь? Кактысебячувствуешь?... Плохо! Вот как я себя чувствую!..

— А что с тобой? — спросил Ежик.

— Чтостобой? Чтостобой?.. — беззвучно передразнила Щука. — Вот посиди целую зиму на привязи, тогда будешь знать, что со мной!..

— А хочешь поехать далеко-далеко? — спросил Ежик.

— Никуда не поеду!

— А я тебе лягушку принёс... — сказал Ежик.

— Лягушку?

— Да. Зелёную и толстую. Я её целую зиму кормил!

Щука выглянула из воды и с подозрением поглядела на зелёный мешочек, который висел у Ежика через плечо.

Ежик бережно погладил его, а потом плавно покачал перед самым носом у Щуки.

— Я думал, ты поедешь... — сказал он.

— Ква-а-а! — зелёным голосом сказал мешочек.

— За-пря-гай! — крикнула Щука и подплыла к берегу.

Ежик отвязал верёвку от колышка и привязал её к носу лодки. Сам сел на корме и взял в лапу длинную хворостину.

— По-ехали! — крикнул он.

Лодка вышла на середину реки, повернула и понеслась вниз по течению.

— Как ты себя чувствуешь, Щука? — снова спросил Ежик.

Щука ничего не ответила. Она изо всех сил гребла плавниками и била хвостом, и ей было не до разговоров.

А Ежик стал думать о том, что далеко-далеко на юге, куда он плывёт, на маленьком островке растёт старый каштан и что у него набухли, наверное, теперь почки... И что он, Ежик, приплывёт к пустынному островку, привяжет лодку и наломает каштановых веточек, а потом вернётся домой и поставит их в воду. И через неделю у него дома распустятся большие белые свечи. Но они не сразу распустятся, а сначала покажутся пятипалые зелёные листочки, маленькие и нежные, в белом пуху... И он, Ежик, никуда не будет ходить, ни с кем не станет разговаривать, а заперётся дома, поставит перед собой банку с ветками и будет целыми днями, с утра до вечера, смотреть на них, чтобы всё-всё было у него перед глазами, чтобы ничего-ничего не пропустить...

А потом, когда уже вырастут листья и распустятся свечи, он, Ежик, вынесет их на поляну и созовёт весь лес... «Сначала, — скажет он, — просто лопнула почка. Потом — высунулся зелёный клювик. Потом — он вырос и развернулся, как маленькая ладошка. Потом я лёг спать — и распустились свечи!..»

«Это очень интересно», — скажет Медвежонок.

«Это — удивительно!» — скажет Ослик.

«И всё-таки — что это такое?» — спросит Белка.

«Это свечи каштана с маленького острова на юге реки!» — скажет Ежик...

— Еж! — беззвучно закричал кто-то. — Покажи лягушку!

Это была Щука. Она устала тащить лодку и хотела посмотреть на лягушку.

Ежик снял с плеча зелёный мешочек и помахал им над головой.

Щука облизнулась, нырнула ещё глубже и снова принялась бить хвостом и грести плавниками.

А через полчаса они пристали к маленькому острову, на котором рос старый каштан.

— Давай лягушку! — крикнула Щука.

А Ежик стоял на задних лапах с зелёным мешочком через плечо и не мог вымолвить ни слова.

Перед ним, как снежная гора, сияя сотнями распустившихся белых свечей, стоял старый каштан.

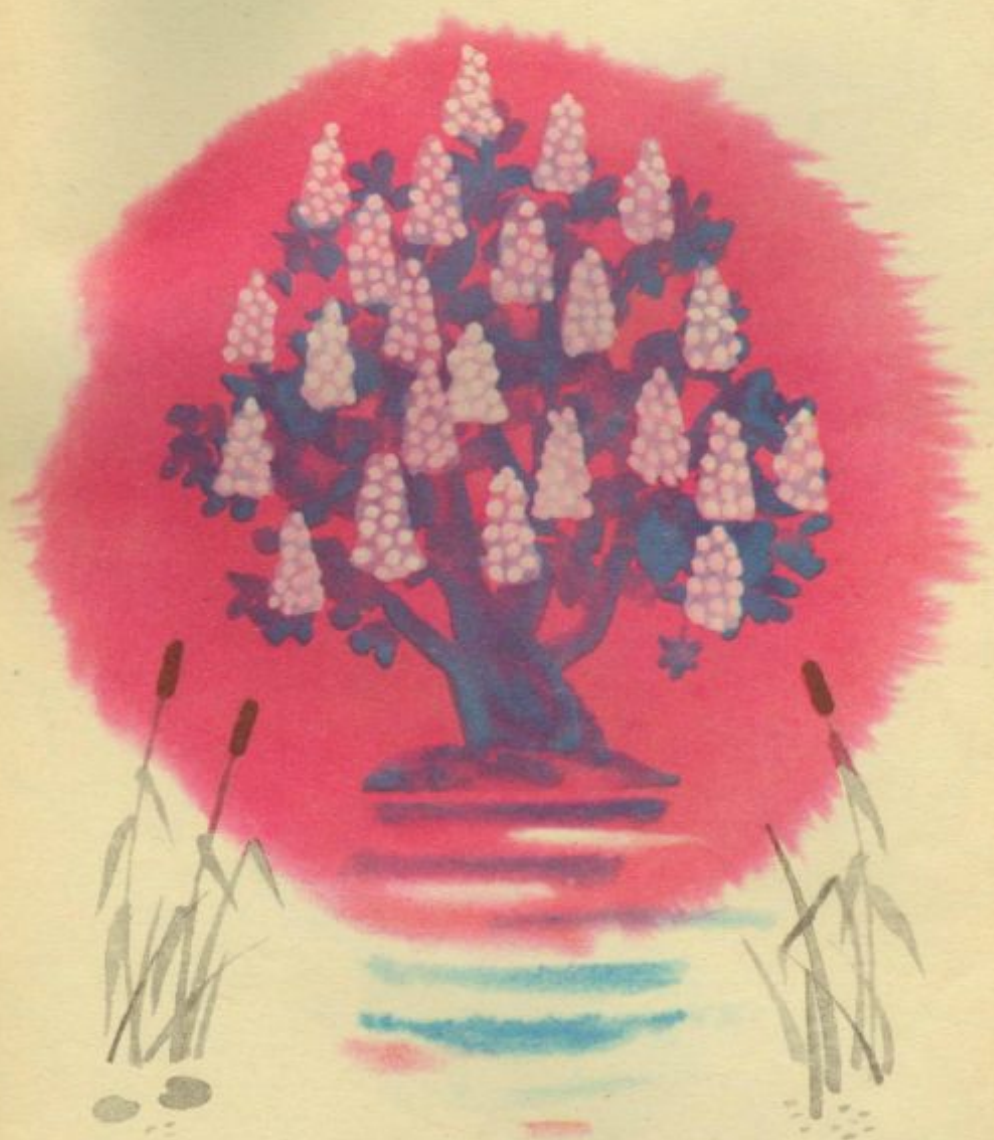
— Опоздал!.. — горько вздохнул Ежик.

«Ква-а-а!» — радостно крикнул Лягушонок.

Выскользнул из мешочка и плюхнулся в воду.

СОДЕРЖАНИЕ

Ежик и море	5
Как поймать облако	8
Осенняя сказка	11
Ежик в тумане	14
Поросёнок в колючей шубке	17
Зимняя сказка	20
Добрый слон	23
Чистые птицы	26
Далеко-далеко на юге	29

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Сергей Григорьевич Козлов
ПОРОСЕНОК В КОЛЮЧЕИ ШУБКЕ

Художник В. Перцов

Редактор Л. Кувшинова
Художественный редактор Л. Пчелкина
Технический редактор М. Митюшина
Корректор С. Ближневич

Сдано в производство 2/III-76 г. Подписано в печать 12/IV-77 г. Формат 80х84 1/4. Усл. печ. л. 8,18. Уч.-изд. л. 3,32. Тираж 300 000. Изд. № 3992. Заказ № 3257. Цена 23 коп. По оригиналам издательства «Малыш», Москва, К-55, Вукирский вал. 58.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете «Связь» Министерства СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

70601-258
К — без обзвва.
M102(03)-77